

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2018), 212–222
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2018), 212–222
© Автор(ы) 2018

НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕРТЬ КАК НАКАЗАНИЕ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ, ОТРАЖЁННАЯ В ПАМЯТНИКАХ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.Г. Шулежкова*, П.М. Костина**

**Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*
shulezkova@gmail.com

***Школа иностранных языков «Experience», Магнитогорск, Россия*
komshina.polina@gmail.ru

Аннотация. Памятники общеславянского литературного языка Средневековья датируются X–XI вв. Чаще всего они представляют собой либо богослужебные книги, либо жизнеописания святых, пострадавших за веру Христову. В месяцесловах и синаксарях, упоминаются сотни мучеников и мучениц, подвергнутых страшным пыткам и казнённых властителями за отказ отречься от веры в единого бога. В житиях же содержится не только информация об именах, месте рождения, времени казни святых, но и сведения о конкретных гонителях христиан, о том, как вели себя перед смертью христиане. Неудивительно, что тексты, написанные на языке Кирилла и Мефодия, содержат языковые единицы, характеризующие жестокую изобретательность тех, кто по должности или по собственной инициативе подвергал истязаниям и приговаривал к смерти последователей Христа. Они отражают также стойкость и мужественную жертвенность страдальцев за веру, холодное «мастерство» палачей и поведение толпы зрителей, жаждущей кровавых зрелищ. Несмотря на то, что и с изощрёнными пытками, и с различными формами казней, описанными в древнейших кириллических и глаголических текстах, славяне познакомились через византийское посредство после крещения, языковые средства, используемые

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова.

Костина Полина Михайловна – преподаватель школы иностранных языков «Experience», Магнитогорск.

для описания преследования, пыток и казней христиан в эпоху раннего Средневековья, имеют общеславянские корни. И само обозначение процесса лишения человека жизни в наказание за мнимые или реальные преступления – устойчивый словесный комплекс (УСК) «сѣмрътъна» казнь, который обнаружен нами в Супрасльской рукописи XI в., состоит из общеславянских элементов.

Ключевые слова: общеславянский литературный язык, рукописи, святые, христианство, мученики, смертная казнь, устойчивый словесный комплекс

Памятники общеславянского литературного языка Средневековья представляют собой богатейший источник сведений о событиях, связанных с распространением христианства в первые века нашей эры. Зародившись в Римской империи, новое религиозное учение после трагической смерти Сына Божьего на кресте подверглось ожесточённому преследованию. «Причины и мотивы трехвековых гонений на христиан со стороны Римской империи сложны и разнообразны. С точки зрения римского государства, христиане были оскорбители величества (*majestatis rei*), отступники от государственных божеств (*ἄθεοι, sacrilegi*), последователи запрещенной законом магии (*magi, malefici*), исповедники недозволенной законом религии (*religio nova, peregrina et illicita*). Христиане обвинялись в оскорблении величества как потому, что они для своего богослужения собирались тайно и ночью, составляя недозволенные собрания (участие в “*collegium illicitum*” или в “*coetus nocturni*” приравнивалось к бунту), так и потому, что они отказывались чтить императорские изображения возлияниями и курениями»¹.

Обычно говорят о десяти гонениях христиан, связывая массовые казни последователей Христа с именами таких римских императоров как Домициан (81–96 гг.), Траян (98–117), Марк Аврелий (161–180), Максимиан (235–238), Деций (249–251), Валериан (253–260) и Диоклетиан (284–305). Лишь при императоре Константине (306–337) был издан указ (Миланский эдикт 313 г.), который положил начало постепенному признанию христианства государственной религией, а христиан – равноправными гражданами Римской империи. В условиях жесточайших репрессий каждая христианская община вела *мартирологи* – списки, куда вносились имена мучеников за христианскую веру с указанием места их мучений, пыток, которым они подвергались, и дня их смерти. Впоследствии уцелевшие мартирологи легли в основу «памятей» – календарных и синаксарных записей в богослужебных книгах², которые, в свою очередь стали ориентирами для празднования дней христианских святых и использовались при создании житий.

Язык – самое объективное зеркало событий, связанных с историей распространения христианства в первые века нашей эры. Кульминационной частью каждого жития святого, отдавшего жизнь за христианскую веру, является подробное описание его мучений и смерти. Оттого так разнообразны лексемы и УСК, объединённые темой пыток и насильственной смерти, и так высока частотность их использования в глаголических и кириллических текстах, выполненных на общеславянском литературном языке Средневековья.

¹ Брокгауз, Ефрон 1893/9, 177.

² См., например, такие записи в Арх (1997), Ас (1955), Ват (1996), Зогр (1879), Мар (1883), Остр (2007).

Ключевое место в массе языковых единиц, характеризующих насильственную смерть за веру христову в древнейших славянских текстах, по понятным причинам, занимает словообразовательное гнездо, где производящим является слово **сѣмръть**. По происхождению это слово является общеславянским. Составитель «Этимологического словаря современного русского языка» А.К. Шапошников, как и его предшественники, считает, что слово *смерть* ‘прекращение жизнедеятельности организма’; перен. ‘конец, полное прекращение какой-либо деятельности’; в знач. *сказ. и нареч.* ‘очень, в высшей степени, очень много, ужас (прост.)’... возникло «из праслав. *сѣмръть (наряду с *мърть), производного с приставкой сѣ- и суф. -ть от основы глаг. *мърти, *мърѣ ‘помереть’, восходящего к и.-е. *merg-: *mog-: *mr- ‘умирать’. Некоторые усматривают в праслав. *сѣмръть нечто подобное др.-инд. su-mrtis, т. е. своя, естественная смерть»³.

В «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)», который содержит данные только 18 старославянских рукописей, указано, например, что существительное **сѣмръть** встречается в них более 200 раз, прилагательное **сѣмрътънь** – 74 раза, **сѣмрътоноснь** – дважды⁴. Во 2-м томе «Старобългарского речника» слово **сѣмръть** представлено в четырёх своих значениях, и четвёртое из них связано с лишением жизни в качестве наказания: 1. ‘Смерть, прекращение жизни, кончина’ // ‘Умирание’; 2. ‘Гибельная сущность, стихия смерти как символ уничтожения’; 3. ‘Небытие, отсутствие жизни’; 4. ‘Смертельное наказание’⁵.

Лексема **сѣмръть** возглавляет в древних славянских текстах словообразовательное гнездо, которое объединяет ряд производных слов. Среди них отметим существительное **сѣмрътънь** ‘земной человек, который, по своей природе должен умереть’, и прилагательные **вѣсѣмрътъньни**, **сѣмрътоносньни**, **сѣмрътънь**, **сѣмрътъньни**, **нѣсѣмрътъньни**, входящие в состав многочисленных УСК с предметным значением: **болѣзнь сѣмрътъна**, **врата сѣмрътъна**, **сѣтъ сѣмрътъна**, **сѣнь сѣмрътъна**, **сѣмрътъна пжчина**, **сѣмрътъноѣ истѣлѣнник**, **сѣмрътъноѣ причащениѣ**, **годъ сѣмрътъньни**, **родъ сѣмрътъньни**, **родъ нѣсѣмрътъньни**, **страхъ сѣмрътъньни**, **часъ сѣмрътъньни**, **сѣмрътъньни крѣстъ**, **сѣмрътоносньни крѣстъ**, **сѣмрътоносньни дѣ**, **сѣмрътъньни сѣнь**, **жы сѣмрътъньни**.

В древнейших славянских рукописях нередко реализуется первое, основное значение существительного **сѣмръть** – ‘прекращение жизненных функций, жизнедеятельности организма и гибель его’⁶: **ты ослабѣвъшаа тѣлеса сѣжимаа • ѿ сѣмръти изгона • ѿ вѣскрѣшаа авиѣ • сѣлежаа тѣлеса • отъ вѣка Син евъ 26b 19; ѿ(соу)с(тъ) же рече о сѣмръти его (Ин 11: 13) Мар, Зогр, Ас, Сав. кн; тако кмоу богъ почъте • такоже и по сѣмръти кго славънѣша сѣтвори Супр 43: 10 и пр. По вполне понятным причинам, авторы сакральных и житийных текстов большое внимание уделяли и самому процессу умирания, и последним мгновениям жизни человека: **си болѣзнь нѣстъ къ сѣмръти нѣ къ славѣ в(о) жи (Ин 11: 4) Мар, Зогр, Ас; твоки во доуши погыбѣль прѣдолѣ и дожи до сѣмръти Супр 1: 3 и пр.****

³ Шапошников 2002/2, 338.

⁴ СтСл 1994, 658.

⁵ СБР 2009/2, 831–832. Здесь и далее перевод с болгарского С.Г. Шулежковой.

⁶ Черных 1993/2, 179.

Смерть как символ всеохватного уничтожения или как гибель также занимала значительное место в мировоззрении христиан, что отразили исследуемые тексты: и оуцѣсарѣ сѧ съмръть отъ адама до мосѣа *Супр* 482: 18; онъ же рече (ѣ)моу г(оспод)и съ тобоуж готовъ есмъ и въ темьницѣ и въ съмръть ити (*Лк* 22: 33) *Мар, Зогр*; прѣдастъ же братръ брата на съмръть• и о(ть)ць чѧдо• и въстанѣтъ чѧда на родителя своѣж (*Мф* 10: 21) *Вам* 178: 2-4, *Мар, Зогр, Ас*; раздроушилъ еси съмръть• і в'сѣж волѣзнь оумрътвилъ еси *Син евр* 30а 9.

Смерть воспринималась и как небытие, несуществование, что напрямую связано с основными постулатами христианского вероучения: и въсѣмъ от'цемъ нашимъ съведеномъ бывшемъ въ адъ• житиѣ въ съмръти *Супр* 9: 28; аминъ аминъ гл(агол)ѣж вамъ• ѣко слоушавѣи словесе моего• и вѣрж емаа посълавъшюмоу ма• иматъ живота вѣчънааго• і на сѣдъ не придетъ• нъ придетъ отъ съмръти въ животъ (*Ин* 5:24) *Мар, Зогр, Ас*.

Однако самый значительный пласт языковых единиц в памятниках общеславянского литературного языка отражает смерть не как естественное угасание жизненных сил, не как уход в небытие в результате болезни, старости и не как гибель под влиянием стихийного бедствия. В центре внимания авторов древнейших славянских текстов – смерть христианских мучеников как наказание, как насильственное лишение жизни. Помимо убийц, грабителей, изменников, бунтовщиков, в Римской империи насильственно лишали жизни тех, кто не признавал государственной религии: «... по законам империи за принадлежность к чуждой религии люди высшего сословия подлежали изгнанию, а низшего – смертной казни. Христианство являлось <...> полным отрицанием всего языческого строя: религии, государства, быта, нравов, общественной и семейной жизни. Христианин для язычника был “враг” в самом широком смысле этого слова <...> Императоры, правители и законодатели видели в христианах заговорщиков и мятежников, колеблющих все основы жизни государственной и общественной»⁷. А потому, чем активнее проявляли себя христиане, тем чаще их лидеров обрекали на смерть. В одном из житий описывается, как мучитель, призвав из темницы христианина Феодора, уговаривает его отречься от веры в Христа, обещая ему и богатство, и всевозможные почести; в противном же случае непокорившегося ждёт смерть: **Бемоу же ставшюу тькомъ рече мжченикоу• покори ми сѧ чловѣче• и оставь сѧ крѣстѣнства съ нами ед'нако вѣди• да и честь великѣ отъ мене възьмешѣ• и богатъство дамъ ти много• а не съмръти осѣжденъ бѣди**• *Супр* 60: 24-29. Практически в каждом из житий подобного рода уговоры заканчиваются угрозами лишить жизни: **аште не хоштѣши• прѣпростѣ съмръти прѣдамъ тѧ**• *Супр* 83: 7-8; **не лѣпо кстѣ жити кмоу• нъ и тѣ съмрътиѣ да осѣдитъ сѧ**• *Супр* 66: 6-8; **аште ли не хоштѣтъ• то въскорѣ съмрътиѣ погоубити ї**• *Супр* 20:4-6; **за велика запрѣштѣнѣа симъ осѣжденъ бывашѣ слышѧ• въ нѣже днь си съмрътиѣ оумрѣши**• *Супр* 487: 13-14.

Само наименование лишения жизни в наказание за совершённое преступление в период появления памятников, написанных на общеславянском литературном языке, ещё только начинало приобретать терминологическую опреде-

⁷ Брокгауз, Ефрон 1893/9, 178.

лённость, хотя в рукописях X–XI вв. уже появляется УСК **сѣмрътьнаѣ казнѣ**: Так, в «Житии преподобного отца Исаакія монастыря Далматского» который был посажен в темницу императором Валентом (364–378), придерживавшимся арианской веры, при описании освобождения Исаакія из темницы приводится указ очередного императора, Феодосия (379–395), в котором он объявляет: **ведомо да бѣдетъ вамъ • тако отъ днешняго дне аште да са обратетъ кто отъ васъ вѣнѣтръ града събираѣ къ црѣкви правовѣрныхихъ • то сѣмрътьныхъ казнѣ приметъ** *Супр 199: 22-27*. Этим указом император, благосклонно относившийся к правой вере, намерен прекратить вражду между двумя христианскими течениями и угрожает смертной казнью арианам, которые несколько десятилетий принимали активное участие в гонениях против правой веры и не хотели смириться с потерей своих прежних привилегий.

В современном русском языке слово *казнь* означает ‘лишение жизни по приговору суда как высшая мера наказания’⁸. Старославянские памятники подтверждают гипотезу И.И. Срезневского, поддержанную П.Я. Черных, о том, что ‘лишение жизни’ – вовсе не исконное, а сравнительно позднее значение лексемы *казнь*. «Старшее значение – ‘кара, сопровождающаяся мучениями (в физическом или нравственном смысле)’ > *покаяние* как признание своей вины». «Происходит, надо полагать, от того же корня, к которому восходит др.-рус *каяти* – ‘порицать’»⁹.

В древнейших славянских памятниках общеславянское по происхождению слово **казнь** используется в двух значениях: 1) ‘наказание, возмездие’; 2) ‘предписание, распоряжение, заповедь’¹⁰: **оуправленъ естъ въ ц(ѣса)р(ь)ство н(є) в(єсь)ное • ибо нѣстъ намъ мала казнѣ • обѣщаваѣщимъ са хранити • в’сѣ прѣжде реченаѣ** *Син евр 91а II*; **не приде во въ прѣвокъ пришьствикъ • мѣ чити и казнѣ сътворити невѣрными** *Супр 481: II-12*.

Реализуя своё первое значение, лексема **казнь** в общеславянском литературном языке Средневековья входит в словообразовательное гнездо, возглавляемое глаголом **казити** 1) ‘разрушать, разваливать, портить’; 2) ‘кастрировать’¹¹, где формирует собственную ветвь (**каженикъ** ‘евнух, скопец, кастрат’, **казити са** ‘оскопляться, кастрироваться’¹²). Эта ветвь со временем непрерывно пополнялась, «приглушая» семы порчи и кастрации за счёт внедрения семы ‘лишение жизни’, что можно наблюдать по данным восточнославянских рукописей, где в XI в. появились существительные **казнитель** ‘тот, кто наказывает, карает; палач’; **казнительствие** ‘наказание, кара’; **казновати** ‘карать, насылать беды’; **казновати са** ‘быть наказываемым’¹³. Мы полагаем, что приобретение словом **казнь** семы ‘насильственное лишение жизни’ связано с тем, что оно уже в X–XI вв. в общеславянском литературном языке попало в состав УСК **сѣмрътьна казнѣ**, который употреблялся наряду с процессуальным УСК **казнити сѣмрътьнѣ**. В XII в. же, во всяком случае, у восточных славян, глагол **казити** вытесняется глаголом **казнити**, используемым в значении ‘предать смерти, казнить’¹⁴.

⁸ Черных 1993/1, 368–369.

⁹ Срезневский 1893/1, 1202.

¹⁰ СБР 1999/1, 707

¹¹ СтСл 1994, 280.

¹² СтСл 1994, 280; СБР 1999/1,

¹³ СРЯ XI–XVII/7, 24–25.

¹⁴ СРЯ XI–XVII/7, 24–25.

Смертная казнь всегда считалась исключительной мерой наказания. Её применяли по отношению к лицам, совершавшим особо тяжкие преступления. Однако представления и трудящихся, и молящихся, и сражающихся, и властвующих¹⁵ членов средневекового общества о степени тяжести того или иного проступка, за который в действие приводился смертный приговор, постоянно менялись. В Римской империи I–IV вв. использовался широкий арсенал смертельных наказаний и предшествующих им пыток. Самыми распространёнными способами насильственного лишения жизни были сожжение, удушение, утопление, колесование, сбрасывание в пропасть, бичевание до смерти, обезглавливание и распятие на кресте. Автор «Мучения святых и славных новоявленных мучеников Феодора, Константина, Феофила, Калиста, Васоя и дружины их» пишет: **и просто решти дроузиї колеми• дроузиї жегоми• дроузиї же давими• тако господьнъ жь смърть възаша• да оуже ник’деже ослабькни• ник’деже животворашта• нъ вьсьжде смърть вьсьжде печаль• вьсьжде плачь• вьсьжде въздыханнѣ Сунр 57: 1–8.**

Рукописные источники X–XI вв. свидетельствуют о том, что древним славянам были известны различные виды смертельных наказаний, применявшихся в Римской империи. Некоторые из этих наказаний впоследствии возьмут на вооружение древнерусские князья и будут применять их для поддержания общественного порядка и авторитета княжеской власти.

Множество свидетельств реального применения самых изощрённых пыток и разнообразных способов насильственного лишения жизни по отношению к гонимым христианам можно обнаружить в Супрасльском сборнике (*Сунр*). Это кириллическая рукопись XI в., куда, помимо 24 проповедей, вошло 24 жития святых, памяти которых приходится на март месяц.

Среди героев мартовской минеи есть христиане, казнённые только за то, что они отказывались приносить жертвы языческим богам. Таковы мученики Павел и Иулиания, брат и сестра, проживавшие в Птолемаиде. Они пострадали во время правления императора Аврелиана (270–275), который узаконил новый культ единого божества – Солнца и планировал масштабные гонения на христиан. Поводом для жестокой расправы с Павлом и Иулианией стало то, что император, въезжая в город Птолемаиду, заметил, как Павел осенил себя крестным знаменем. Павел был тут же схвачен и брошен в темницу. Когда на следующий день его привели на судное место, Павел отказался принести жертву языческим богам и открыто защищал свою веру. Тогда Аврелиан приказал мучить Павла на глазах собравшихся: **и повелѣ аурелианъ принести дрѣво велико• и принесено бысть• и рече приважете паула на немь• и пристжпша слоугы съвазаша кмоу ржцѣ• и повелѣ принести свѣшта горашта и прижагати лице пауле Сунр 6-7: 27-31.** Иулиания, видя страдания брата, стала при всех обвинять императора в несправедливости и жестокости, за что тоже была подвергнута истязаниям: **и повелѣ и тж привазати къ дрѣвоу• и свѣшта горашта принести на лице кж• и потомь по вьсемоу тѣлоу прижизати Сунр 7: 10-13.** Брат и сестра были казнены: **аурелианъ же оубовъ са народа кда крамољ въздвиг’нжтѣ• дастѣ о нею**

¹⁵ О делении средневекового населения на властителей, молящихся, сражающихся и трудящихся см.: Вендина 2002, 28.

отъвѣтѣть • повелѣвъ главѣ има отъсѣшти • и телесѣ юю поврѣшти п'сомъ и звѣремъ • и птицамъ невестъскимъ *Сунр 8: 2-7.*

Общеславянский литературный язык содержал множество языковых единиц, характеризующих процесс гонения, страданий и мученической смерти последователей Христа в Римской империи. Он отразил социальную структуру огромного государства через наименования лиц, принадлежавших к разным слоям средневекового общества, так или иначе участвовавших в событиях, связанных с историей распространения христианства в качестве гонимых, преследователей, судей, палачей и зрителей. Это те, от кого зависела судьба нового религиозного течения, – «правлящие и управляющие»¹⁶; представители разных конфессий с их должностной иерархией, в том числе служители внутри складывающейся прослойки христиан, – «молящиеся»¹⁷; военная прослойка – «сражающиеся»¹⁸; те, кто создавал материальные ценности, – «трудящиеся»¹⁹.

Сформировался в общеславянском литературном языке и пласт слов и УСК, имеющих непосредственное отношение к судьбе христиан в языческом государстве. Их ядром являются лексемы и УСК, которые применительно к теме нашего исследования можно разделить на три группы.

В первую группу входят единицы, отражающие намерения властвующих насильственно лишить жизни христиан, – оубити, оусѣкнѣти, осждити на смърть, (заповѣда не покораштимъ) мжчени зълѣж смъртниж оумрѣти, осждити смъртниж, прѣдати (на осжденьк) смърти, смърти прѣдати, смъртниж погоубити и пр. Так, «Мучение святого Савина» начинается со слов: Цѣсарьствоуѣштоу диоклитиноу • заповѣдъ посла вселенѣи • такоже всѣмъ не покораштимъ са заповѣди юго • и не жрѣштии богомъ • мжчени бываѣште зълѣж смъртниж оумрѣти • донде же си заповѣдъ по всеи егѣптьстѣи странѣ • гонению же оубо належаштоу на кръстнины зѣло егѣптьстѣи странѣ *Сунр 144: 29-30 – 145: 1-5.* Святого мученика Василиска воевода приказал привести в храм, чтобы тот принёс жертву Аполлону. В случае отказа он угрожал Василиска «въскорѣ смъртниж погоубити»: «Помысли оубо да не зѣлѣ оумрѣши», – говорил воевода. Но Василиск был непреклонен. И тогда разгнѣвавъ же са воквода повелѣ юго оусѣкнѣти • ведоша же и из града и оусѣкнѣша и • на мѣстѣ нарицаемѣ диоскорѣ • воквода же повелѣ тѣло юмоу въврѣшти въ рѣкѣ *Сунр 28: 14-18.* В «Слове Иоанна Златауста на Воскресение Христово» передано состояние страха не только рядовых последователей, но и ближайшего окружения Сына Божьего после казни Иисуса Христа: они понимали, что каждого из них могла постичь аналогичная участь: кгда се глаголааста къ себѣ • вѣживѣ дрѣзности архиерейскы • отъвѣживѣ владычня оубнѣствыныа ржкы • аште во и смърти наю прѣдадатъ (ъ) не имавѣ понести поношень ихъ • и аште кръви нашеа не пролѣжтѣ • словесы ны оустрѣлатъ *Сунр 472: 4-11.*

Вторая группа языковых единиц характеризует способы насильственного лишения жизни инакомыслящих – распати, оусѣкнѣти, заклати, въ огни

¹⁶ Ефимова 2011, 127–138.

¹⁷ Ефимова 2011, 138–153.

¹⁸ Ефимова 2011, 153–160.

¹⁹ Ефимова 2011, 160–182.

съжешти, главѣ отъсѣшти мечемъ, распати жжи четырьми, распати на кръстѣ, оудавити жжи, каменьемъ повити и пр. Так, страстоносец Васой, отказавшийся отречься от Христа, не покорился мучителю Аменурмнину, и тогда разгнѣвавъ сѧ льстинѣи • и възегъ сѧ гнѣомъ и акы левъ рикаа на правед'нааго • мечемъ повелѣ чьстьнѣжъ кго главѣ отъсѣшти *Супр 61: 23-26*. Такая же участь постигла страсотерпца Константина Патрикия: да прѣжде отъ друѣжны отътрѣгъше • лютыа и безмилостивыа слоугы днаволобы • костан'тина патрикия на земли сѣшта • аггелъ же в(о)жии на небеси бывъ • растръзавъше же ризы кмоу • чьстьнѣжъ кго главѣ отъсѣкоша *Супр 64: 3-8*. В «Похвале о 40 мучениках» засвидетельствована ещё одна форма наказания за веру в Христа – смерть от замерзания. Князь Дукс со своими слугами, подвергнув захваченных христиан всевозможным позорным пыткам и не добившись от них покорности, замыслил для страдальцев страшную смерть: съмотрите же како ксть люто • съмотривъ бо кстьство томъ земьа • како стоудень велика ксть въ неи • и година врѣмене ко зимна • ноштъ съгладавъ въ неи же паче лютость бывактъ • нъ и сѣвероу тьгда въ тж ноштъ вѣжштоу • повелѣ въсѣхъ обнажше • на пачнѣ посрѣдѣ града съмръзъшемъ сѧ оумрѣти *Супр 89: 1-10*. В «Житии святителя Василия, архиепископа кесарийского», приводятся его слова о муках, перенесенных сторонниками правой веры, которые снова стали практиковаться при императоре Валенте, приверженце арианской ереси: и многа гарость звѣриньска двизааше сѧ • отъ неправедъныхъ на благовѣрныхъ • кови же и сѣвѣти зъли на на плетоми бываахъ • и различни образи мжкъ примышлении бываахъ • и мжчении неослабимъ • огонь готовъ мечъ изъоштрень • распатик поставькно • пропасть • коло воштагы • и ови вѣгаахъ • а друѣзии послоушаахъ <...> досажденикъ отъ насъ примъше негодоуѣте и страшными сими мжками прѣтите • грѣхъ на ны носаште • нъ не страшивомъ прѣтите • ни оужасънымъ • ни пристрашнымъ • по божию люб'ви ксе мы • и на колеси привазани быти готови • и вазани быти и жегоми • и въсѣкъ образъ мжкы приати *Супр 85: 9-18, 88: 18-27*.

Третья группа языковых единиц объединяет лексемы и УСК, отражающие поведение христиан во время пыток и их отношение к самой казни. Поражает не только безропотность, с которой христиане переносили выпавшие на их долю мучения, но и мужество, с каким они встречали смерть. Для передачи внутреннего состояния последователей Христа составители житий используют процессуальные УСК съмѣреник имѣти и съмѣреник приати, подкрепляемые предметными УСК съмѣрении срьдцемъ и съмѣреник доушьнок. Образцом для мучеников, попадавших в руки властвующих и палачей, был Иисус Христос, принёсший себя в жертву за грехи человеческие, безропотно принявший и оскорбления, и избиение, и крестные муки. Мученики первых веков существования христианства ощущали себя сопричастниками Иисуса Христа. В «Страсти святого чистителя и мученика Артемия» читаем: глагола к' немоу сватый артемонъ • рабе вожию филеа • шъдъ възвѣсти владыцѣ мокмоу сватоуоумоу епискоупѣ • да молитъ сѧ за ма • да повѣждѣ нечистааго • и хрѣстоненавидьнаго примышлѣа • и вѣдѣ съпричастникъ христосоу *Супр 225: 18-25*.

УСК съмръти въкоусити, съмръть приати, казнъ приати, прѣдати сѧ мжкамъ, съмръти не оувоти сѧ, съмръти не оуклонити сѧ передают реакцию

христиан на постигшие их страдания. Принципиальную позицию по отношению к гонениям выразил Иоанн Златоуст, сам испытавший немилость власть имущих: **мы же по правдѣ не сътрѣпимъ ли• смърти не оуклонимъ сѧ ꙗко съ воины• не дадимъ зажда диволови• плъти сѧтъ не поштадимъ• понеже во всѣмъко оумрѣти кстѣ** *Супр 91: 16-20*.

Мученическая смерть, принятая во имя Иисуса Христа, оценивалась христианами как своеобразная плата за попадание в царство небесное, а конец земной жизни, пусть и связанный с тяжелейшими муками, воспринимался как момент перехода в жизнь вечную в царствии Божьем.

После принятия крещения славяне через книги, написанные на общеславянском литературном языке, познакомились не только с догматами христианской веры. В этих источниках содержалась обширная информация из разных сфер европейской культуры, в том числе из правовой сферы и судебной практики. Вчерашние язычники, славяне допускали смертную казнь по праву кровной мести, что подтверждается Русской Правдой. Однако, великий князь Киевской Руси Владимир, став христианином, её отменил, «перейдя к хорошо известной и проверенной годами системе денежных пеней. Ярослав I и его преемники также отвергли смертную казнь, не оставив в Русской правде ни одной подобной санкции»²⁰. Но уже с XIV в. смертная казнь вошла в русское законодательство, а к XVII в. в Московском государстве были узаконены почти все виды казней, которые применялись в Римской империи, а также изобретённые на Руси: отсечение головы, повешение, утопление, четвертование, заливие расплавленного металла в горло, закапывание в землю заживо, посажение на кол, колесование, сожжение заживо²¹. При Петре I количество преступлений, за которые полагалась смертная казнь, превысило сотню, и лишь в послепетровскую эпоху были сделаны первые шаги по отмене смертной казни вообще. Вместе с судебной карательной практикой, двигавшейся по пути гуманизации, трансформировался и тот лексико-фразеологический пласт русского языка, который был унаследован из общеславянского литературного языка Средневековья. Превратились в архаизмы сами наименования пыток и жестоких казней, наименования орудий умерщвления и палачей.

ЛИТЕРАТУРА

- Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. 1893: Гонения на христиан в Римской империи. В кн.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (ред.), *Энциклопедический словарь*: в 41 т. Т. 9. СПб, 178–180.
- Вендина, Т.И. 2002: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М.
- Евреиновъ, Н. 1913: *Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи*. СПб.
- Ефимова, В.С. 2011: *Наименования лиц в старославянском языке*. М.
- Срезневский, И.И. 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3 т. СПб.
- Сулимов, И. 2013: Зарождение и развитие смертной казни в Древней Руси. *Военное обозрение*, 30.10.2013: <https://topwar.ru/35285-zarozhdenie-i-razvitie-smertnoy-kazni-v-drevney-rusi.html>.
- Тимофеев, А.Г. 1904: *Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русском правѣ*. СПб.

²⁰ Сулимов 2013.

²¹ См. об этом: Тимофеев 1904, Евреинов 1913.

- Черных, П.Я. 1993: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: в 2 т. Т. 1. М.
- Шапошников, А.К. 2010: *Этимологический словарь современного русского языка*: в 2 т. Т. 1. М.

REFERENCES

- Brokgauz F.A., Efron I.A. 1893: *Goneniya na khristian v Rimskoy imperii* [*Persecutions of Christians in the Roman Empire*]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar`*: v 41 t. T. 9. [*Encyclopedic Dictionary*: in 41 vols.]. Vol. 9. Saint Petersburg.
- Chernykh, P.J. 1993: *Istoriko-etimologicheskii slovar` sovremennogo russkogo yazyka*: v 2 t. [*Historical-etymological dictionary of modern Russian language*: in 2 vols]. Moscow.
- Efimova, V.S. 2011: *Naimenovanie lits v staroslavlyanskom yazyke*. [*Naming of persons in the Old Church Slavonic language*]. Moscow.
- Evreinov, N. 1913: *Istoriya telesnykh nakazaniy v Rossii* [*History of corporal punishments in Russia*]. Saint Petersburg.
- Shaposhnikov, A.K. 2010: *Etimologicheskii slovar` sovremennogo russkogo yazyka*: v 2 t. [*Etymological dictionary of modern Russian language*: in 2 vols]. Moscow.
- Sreznevskiy, I.I. 1893–1912: *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis`mennym pamyatnikam*: v 3 t. [*Materials for the dictionary of the Old Russian language based on manuscripts*]: in 3 vols. Saint Petersburg.
- Sulimov, I. 2013: *Zarozhdenie i razvitie smertnoy kazni v Drevney Rusi* [*Birth and development of death penalty in Ancient Rus`*], <https://topwar.ru/35285-zarozhdenie-i-razvitie-smertnoy-kazni-v-drevney-rusi.html>.
- Timofeev, A.G. 1904: *Istoriya telesnykh nakazaniy v russkom prave* [*History of corporal punishments in Russian justice*]. Saint Petersburg.
- Vendina, T.I. 2002: *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavlyanskogo yazyka* [*The Medieval man in a mirror of the Old Church Slavonic Language*]. Moscow.

VIOLENT DEATH REFLECTED IN MANUSCRIPTS OF COMMON LITERARY LANGUAGE OF ALL MEDIEVAL SLAVS AS PENALTY FOR CHRISTIAN FAITH

Svetlana G. Shulezhkova*, Polina M. Kostina**

**Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
shulezhkova@gmail.com

***School of foreign languages "Experience", Magnitogorsk, Russia*
komshina.polina@gmail.ru

Abstract. Manuscripts, written in common literary language of all Medieval Slavs are dated 10th–11th centuries. They are mostly either prayer books, or Lives of Saints, who suffered for Christian faith. Hundreds of martyrs and martyress were mentioned in menologies and synaxariums. Those people underwent different terrible tortures, and were sentenced to death by rulers for the refusal to abjure Christian religion. Lives of Saints contain information about not only the names, birthplaces of saints and times of the death, but also some facts about their persecutors and last moments before the penalty. It is no wonder that the texts, written in Cyril and Methodius` language contain language units, describing cruel ingenuity of those who in terms of the official status or by choice sentenced Christian preachers to death. The manuscripts depict firmness, courage and self-sacrifice of the Saints, heartless "skill" of the executioners, and reac-

tion of the audience, eagering for a bloody performance. Although Slavs got acquainted with different kinds of sophisticated tortures and executions, described in the most ancient Cyrillic and Glagolitic texts through the agency of Byzantium after the adoption of Christianity, the language means, used for description of the prosecution, tortures and executions of Christians during the time of the early Middle Ages have common Slavic roots. The set unit **СЪМРЪТНА КАЗНЬ**, which we found in Codex Suprasliensis of the 11th century consists of Old Church Slavonic elements.

Keywords: common literary language of all Slavs, manuscript, Christianity, saints, martyrs, set units

---
